



И. Ф. Масленников

Съемка одного из фильмов о Холмсе по заказу Центрального телевидения в Ленинграде возле Мухинского училища. 1979 г.

9 мая 1911 года в аудитории Петербургского технологического института при большом стечении публики профессор Борис Львович Розинг демонстрировал «чудо» – стеклянную колбу, на матовом доньшке которой шевелилось изображение профессорской руки, хотя сам профессор стоял в другом конце

аудитории и рукой шевелил перед другой аналогичной колбой, снабженной увеличительным стеклом. Между колбами тянулись электрические провода. Запатентовал свое изобретение профессор еще в 1907 году, получив «Привилегию за №18076 по электрической телекопии».

Итак, в Петербурге впервые в истории человечества замаячило смутное телевизионное изображение. Родилось электронное телевидение.

Помогали профессору в том фокусе его многочисленные ученики, имена которых на протяжении XX века встречались в разных концах



Борис Львович Розинг



В этом домике на улице академика Павлова в 1938 году родилось Ленинградское телевидение

мира. Был среди них и 23-летний дипломант Владимир Зворыкин. В следующем году он окончил «Техноложку», поехал продолжать учебу в Париж (все-таки сын крупного муромского купца-корабельщика), потом была Первая мировая, потом – радист у Колчака...1919 год... Омск... назад дороги нет... фирма «Вестингауз» в США...

Любимый ученик профессора Розинга быстро стал известным американским электронщиком, вице-президентом корпорации RCA, запатентовал в 1923 году свое изобретение «икonosкоп». А сам профессор Розинг уже в Ленинграде в 1926 году в журнале «Наука и техника» публикует статью «Электрическая телескопия».

В 1931 году профессор был арестован и сгинул через пару лет в северных лагерях.

Молодое советское телевидение отказалось от электронного пути развития, предпочтя «механический радиоглаз», изобретенный немцем Паулем Нипковым еще в восьмидесятые годы XIX века.

Я тогда был мальчишкой, но помню, как до войны мой отец – инженер Ижорского завода – развлекался со своими друзьями-сослуживцами, вращая картонный диск с рядом отверстий, расположенных по спирали, перед неоновой лампой, мерцающей от радиосигнала. Было забавно рассматривать какие-то шевелящиеся фигурки на экране размером со спичечный коробок...

Потом была война...

В 1949 году, когда я оканчивал школу, мама купила первый советский телевизор КВН. (Нет, это не «Клуб веселых и находчивых», это инициалы изобретателей – Кенигсона, Варшавского и Николаевско-го). Каждый вечер к нам приходили соседи смотреть фильмы – тогда были только фильмы. Экран был такой маленький – в полбумажного листа, что пришлось купить увеличительную линзу, которую надо было заполнять дистиллированной водой. Чрезвычайно трогательно было видеть, как в конце вечерней программы на экране начинала мигать надпись «Не забудьте выключить телевизор».

К чему я все это рассказываю?

Я учился в Ленинградском университете на филологическом фа-



В 1964 году из Первого павильона нового здания телецентра на улице Чапыгина был показан ленинградский «Голубой огонек». А вскоре невдалеке выросла и эта телебашня

культете на одном курсе с Майкой Фоминой – внучкой академика архитектуры, знаменитого Ивана Фомина, а также внучкой мало кому известного профессора Бориса Розинга. Это от Майки, а не из прессы, я узнал, что ее дед «придумал телевизор». Говорилось об этом «конфиденциально». Майка Игоревна пережила блокаду и благополучно здравствует по сию пору, часто бывая у нас в гостях.

И опять-таки, о чем я?

Тонкая ниточка повествования все ближе и ближе подтягивает меня к цели, к задуманной теме – «я и телевидение».

Как выпускник газетного отделения филфака я стал работать



Еще один шаг – и я редактор молодежных и спортивных передач АСТ. 1956 г.

в университетской многотиражке – нужны были деньги, у меня родился сын. Вскоре я попал в состав делегации редакторов студенческих газет для поездки в Америку. Я зачастил в Москву в ЦК комсомола на собеседования и инструктаж. Однако, американцы потребовали отпечатков наших пальцев, Хрущев рассвирепел (а это было его время) и мы никуда не поехали.

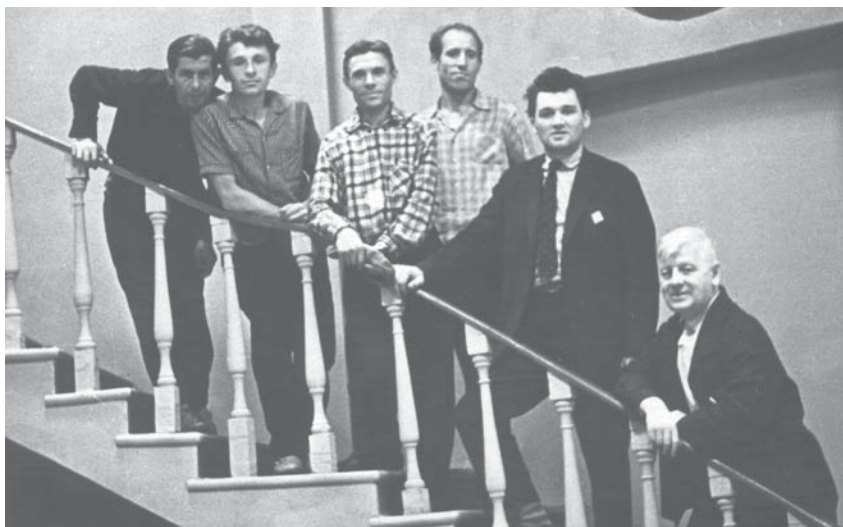
И все же – о чем я?

Но тема рядом!.. Во время тех самых комсомольских инструктажей я, вероятно, примелькался начальникам. И вот решением Ленинградского обкома комсомола меня направили создавать молодежную редакцию Ленинградского телевидения!

Попалась птичка... На всю жизнь...

Новое место работы производило жалкое впечатление. На Петроградской стороне в полуразвалившемся одноэтажном особняке в парке располагалась студия телевидения. Шестьдесят квадратных метров, увешанных осветительными приборами с двумя сундукообразными малоподвижными камерами. Аппаратная тут же, за стеклом. Сзади на чердаке стрекотал кинопроектор. Дикторы Нелли Широких и Николай Зименко читали новости. Вот и все!

Редакции далеко – в центре города, в Доме радио, где неприступные радисты выделили телевидению то ли чердак, то ли мансарду, куда даже лифт не дотягивался. Руководили этим жалобным хозяйством



Иван Федорович Ермаков (крайний справа) – главный режиссер Ленинградской студии телевидения принимает у меня декорацию к телеспектаклю «Два брата» по Ю. Лермонтову

люди явно чокнутые – директор Борис Афанасьевич Станчиц, главный режиссер Иван Федорович Ермаков. Это ему принадлежат слова, которые он часто повторял, а я никак не мог в них поверить: «Телевидение сожрет все!»

В мансарде находилось начальство, а наша молодежная и спортивная редакция уютилась в подвале Дома радио. Это жалобное существование продолжалось год. И вдруг...

1957 год!

В Москве объявлено о Всемирном фестивале молодежи и студентов – гостей ждали со всего света. Это небывалое доселе событие – толпы иностранцев на улицах социалистической столицы – должен был увидеть весь мир. Огромные деньги были брошены на косметический ремонт Москвы, и такие же средства пошли на создание современного высокотехнического советского телевидения. Были закуплены аппаратные комплексы, съемочная аппаратура, монтажные линейки и лаборатории по обработке пленки, транспорт и свет.

Голиаф просыпался...

Но где взять людей? Был расширен штат Центрального телевидения, со всей страны были вызваны молодые работники местных студий, подключены студенты творческих вузов. Генеральный директор ЦТ Владимир Спиридонович Осьминин – энтузиаст всей этой реконструкции – учил жить и работать новичков, собирая их на Шаболовке.



Безусый период жизни – работа на телевидении

Среди них был и я – скромный ленинградский телевизионщик. Все мои московские знакомства были связаны с людьми тех дней – Митя Федоровский, Рудик Борецкий, Стелла Жданова, Герман Грошев, Орлик (Арнольд) Григорян, Игорь Беляев, Самарий Зеликин. Иных уж нет...

Да и Москву я хорошо знаю с тех времен, когда мы колесили съемочными группами по городу, делая репортажи с фестивальных событий.

Я вернулся в ленинградский Дом радио другим человеком. Теперь я

знал, например, что такое 16-миллиметровая пленка – и негативная и обратимая, то есть позитивная. Я овладел чешской камерой «Адмира», снимал киносюжеты в тележурнал «Молодой ленинградец», а пленку проявляли мы все в том же подвале Дома радио в цинковых баках.

Как известно, я не побывал в Америке из-за отказа дать отпечатки пальцев, но через год после фестиваля летом 1959 года я уже снимал на «Адмиру» фильм про молодежный лагерь на речке Сазаве в Чехословакии, а осенью – еще один часовой фильм про визит ленинградской молодежи в Англию по приглашению Британского совета.

Где они теперь эти 16-миллиметровые фильмы моей молодости?

После Манчестера и Ливерпуля наша молодежная группа надолго остановилась в Лондоне, где нас с моей подругой, радиожурналисткой Лидой Алешиной, прежде всего, конечно, интересовало Би-би-си. И мы туда попали.

Сквозь грохот глушилок мы в Ленинграде по ночам все-таки слушали иногда голоса Людмилы Дмитриевич, Максима Гольдберга, Севы Новгородцева. Теперь мы их увидели и даже познакомились. Чай... Кофе... Вежливое общение... Беседы о принципах и методах работы электронных средств массовой информации...

Лиду интересовало радио. Я же бродил по только что отстроенному новехонькому зданию телецентра Би-би-си, озирался в огромных павильонах, где англичане готовились снимать «Сагу о Форсайтах» – декорации уже стояли, плутал на складах реквизита и декораций и вспоминал пророческие слова Ивана Федоровича Ермакова...

...Лес телевизионных антенн на крышах городских домов и деревенских изб обозначал все новые и новые территории, которые завоевывало телевидение. Сохранился фотоснимок тех времен – в широких брюках и майке, с лопатой в руках я стою на пустыре. Это субботник по расчистке территории для строительства нового Ленинградского телецентра на улице Чапыгина, что на Петроградской стороне.

Голиаф начал расправлять плечи...

Директором Ленинградской студии телевидения стал Борис

Фирсов – бывший первый секретарь Дзержинского райкома партии. Хрущевская оттепель продолжалась...

Новый телецентр (пока еще в черно-белом вещании) заработал. Мне довелось быть редактором первой передачи из новой – самой большой – Первой студии. Это был «Голубой огонек» – ведущий Кирилл Лавров, режиссер Лев Цуцульковский. Передача шла по кабелю на Москву.

Советская власть стала понимать всю мощь нового средства общения с народом. По всей стране начали строиться типовые телецентры (300-метровые студии, стандартные телевышки), открывались областные и республиканские телестудии. Я, например, стал одним из «отцов» казахского телевидения, когда был послан в Алма-Ату, где целый месяц наша бригада – режиссер Борис Трайнин, оператор Саша Селезнев и я, редактор, обучали работников республиканского телецентра нашему ремеслу.

Незабываемым был банкет в нашу часть – «бишбармак», где почетным основателям казахского телевидения пришлось съесть по вареному бараньему глазу.

В Ленинграде уже стояло новое здание на улице Чапыгина, шли пробные передачи в цвете, а главный инженер нашего телецентра Абрам Мельберг уехал в Москву на строительство ныне знаменитой Останкинской башни.

Техника шла семимильными шагами. Уже работали три программы...

А что же вещание?

Поработав в молодежной, спортивной, детской, музыкальной редакциях, я приказом директора студии Бориса Фирсова был назначен главным редактором литературно-драматической редакции. Теперь я стоял рядом с Иваном Федоровичем Ермаковым.

Блестящая телевизионная карьера!

Молодое телевидение интересовало всех. Я пригласил уже тогда знаменитого своими театральными «капустниками» Александра Беллинского, и он охотно пришел, став к настоящему времени телевизионным академиком. Выпускники Театрального училища режиссеры устремились на телевидение. Эта тройка – Юрий Маляцкий, Виталий

Фиалковский и Лев Додин вскоре, правда, распалась. Фиалковский ушел в театр, Маляцкий остался, а кем стал Додин, я думаю, рассказывать нет необходимости.

Лучшая театральная режиссура города ставила у нас телеспектакли – новый вещательный жанр. Лучшие актеры охотно участвовали в них.

В большой студии, а иногда и в двух соседних ставились декорации, которые делались по эскизам известных художников. Сначала без камер, а потом с тремя камерами репетировался телевизионный спектакль. Премьера показывалась в прямом эфире. Многие наши постановки передавались по кабелю или релейной линии на Центральное телевидение. Магнитной записи не было. Эти передачи, подобно трансляции футбольных матчей, театральных премьер и праздников с демонстрациями, назывались «прямой эфир».

Картинки с камер монтировались на режиссерском пульте во время передачи.

Так работали Георгий Товстоногов, Игорь Владимиров, Давид Карасик, Рубен Агамирзян, Иван Ермаков, Павел Вайсбрем, Петр Фоменко, Роза Сирота и многие другие театральные мастера. Кинорежиссеры с «Ленфильма» в тех работах не участвовали.

Так снимались Татьяна Дорониная, Алина Фрейндлих, Зинаида Шарко, Людмила Макарова, Павел Луспекаев, Кирилл Лавров, Сергей Юрский, Олег Басилашвили, Ефим Копелян...

Лесков, Лермонтов, Лопе де Вега, Кедрин, Вайзенборн, Роуз, Арбузов, Шекспир, Шоу, Гоголь...

Некоторые из этих спектаклей удалось сохранить, когда была придумана система съемки на пленку с экрана монитора. Но где они теперь, эти ролики и эти роли?

Тем древним способом снимается теперь телевизионное «мыло». В просторном навильоне ставятся выгородки, которые заполняются мебелью и реквизитом. Три подвижные камеры снимают то, что изображают актеры, которые перед съемкой репетировали с режиссером. Один день – одна серия...

Шел 1964 год...

Отправляясь в командировку в Москву, на Пятницкую, в Гостелерадио, надо было всегда рассчитать время так, чтобы пообедать там – в Комитете. Столовая на Пятницкой могла дать фору любому московскому ресторану, с одной стороны, по вкусности, а с другой – по дешевизне. В этом огромном здании несколько этажей занимало советское Иновещание, то есть радиопередачи из Москвы на разных языках транслировались на многие страны мира, и работали там дикторами и авторами текстов прокоммунистические выходцы оттуда. Кормили их отменно.

Пообедав за копейки, я отправлялся в приемную председателя Телерадиокомитета Николая Месяцева. К тому времени Комитет по радио и телевидению превратился в Комитет по телевидению и радио. Чувствуете разницу?

Николай Николаевич был душой человек. Спортивный, подтянутый,



Эскизы декораций к телеспектаклю «Макбет» режиссера Давида Карасика. 1962 г.

приветливый, бывший комсомольский работник, он всячески поддерживал наши просветительские устремления, хвалил...

Не знал он только, что его дружба с Шелепиным, интриговавшим против Хрущева, приведет его сначала в Австралию в качестве советского посла, а потом и лишит партийного билета.

Ибо 1964 год приближался к своему знаменитому октябрю...

Мы в нашей литдрамредакции купались в славе и признании. Замахнулись даже на создание первого телекинофильма. Режиссер Лев Цуцульковский по сценарию молодого писателя Владимира Кунина (то был его первый киносценарий) снял фильм «Я шофер такси» с Ефимом Копеляном в главной роли.

Осенью Никиту Хрущева отстранили. Оттепель закончилась, а с ней и наш телевизионный «ренессанс».

Начались частые вызовы в Смольный на идеологический ковер... Стремительно холодало... Пришли идейные реваншисты... Вернулись официозность, чтение по бумажке, фальшь... Хомут главного редактора литдрамвещания стал натирать шею. Пора было удирать.

Но куда?

Мою редакторскую практику уже давно скрашивало увлечение сценографией. Многие режиссеры – Товстоногов, Владимиров, Карасик, Ермаков, Белинский, Цуцульковский – приглашали меня оформлять не только телевизионные, но и театральные спектакли. Общение с ними оказалось «заразным». В меня проник вирус режиссуры.

Сидя в зрительном зале Большого драматического театра и смотря, как репетирует Георгий Александрович Товстоногов, я мечтал о своем театре, но понимал, что режиссуре надо учиться...

«...Уходя уходи...»

Если бы в тот момент открывались курсы цирковых или эстрадных режиссеров, я бы пошел и туда, но в вестибюле телецентра я случайно (подчеркиваю – случайно) наткнулся на объявление о том, что на студии «Ленфильм» Г. М. Козинцев набирает слушателей в свою мастерскую.

Вы думаете, что с телевидением было покончено?

Ничуть не бывало! Одна болезнь сражалась в моей душе с другой заразой.



Виктор Проскурин в роли Германна в телефильме по заказу Центрального телевидения «Пиковая дама». 1982 г.

Киновирус неизлечим. Кино – род недуга... В кино люди дичают: перестают ходить на театральные премьеры, в филармонию, посещать выставки... Интерес представляют в крайнем случае фестивали. Но могучий вирус телевидения – достойный соперник кинематографу. Теперь, по истечении многих лет, это отчетливо видно.

Вот и я, став студентом в 34 года и имея на руках двоих детей, искал материальную поддержку на родном телевидении. Сначала давние друзья времен Всемирного фестиваля предложили сделать мне на Центральном телевидении два фильма из серии «Летопись полувека» к юбилею Октябрьского переворота. То был монтаж архивной хроники, серии «1945 год» и «1965 год»...

Давняя подруга Лида Алешина, ставшая главным редактором студии «Лентелефильм» заказала мне документальный фильм «Паспорт матери», а потом и художественный – «Лето в Бережках» по роману ленинградского прозаика Сергея Воронина.

Два года учебы в мастерской Григория Михайловича Козинцева завершились дипломным полнометражным фильмом «Личная жизнь Кузиева Валентина». Учебные короткометражки по сценариям Натальи Рязанцевой – моя «Кузя и Маргарита» и Ильи Авербаха «Папаня» были объединены не только одним героем Кузей в исполнении

товстоноговского студента Виктора Ильичева, но и единым сюжетом предложенной мною третьей новеллы – «Дневником».

Его писал этот незадачливый парень для участия в телевизионной передаче. То было время, когда наше телевидение впервые вышло на улицы для социологических опросов и интервью со случайными прохожими. Вот наш герой Кузя и попался на этот крючок.

Я думал, что навсегда ушел в кино. Но телевидение аукнулось.

Отцы-изобретатели электронной системы передачи изображения на расстоянии своей конечной целью считали создание аппаратов, способных наблюдать за процессами, происходящими на земле, под землей – в шахте, например, под водой, на границе, в цехе и магазине... Их мечты сбылись. Сегодня камеры наблюдения следят за нами повсюду... Думаю, что ни Розингу, ни Зворыкину в голову не могла прийти мысль, что их детище посягнет на святая святых – на искусство!

Уже было мало показывать на экранах телевизоров готовые кинофильмы, но своих возможностей снимать их у телевидения пока еще не было. Телевизионщики стали заказывать их у киношников.

На «Мосфильме», на «Ленфильме», на Студии имени Горького появились творческие объединения по производству телевизионных фильмов. Этот этап развития можно наблюдать, читая начальные титры в фильмах того времени: «По заказу центрального телевидения»... На «Мосфильме» таким объединением бессменно руководил Сергей Николаевич Колосов. Довелось и мне на «Ленфильме» порулить на таком же посту.

В просторных апартаментах нового телецентра в Останкине расположилось объединение «Экран», которое стало налаживать собственное кинопроизводство, но, главным образом, оно заказывало фильмы на киностудиях. Борис Михайлович Хессин – генеральный директор и Герман Грошев – главный редактор были либеральными заказчиками и добрыми приемщиками. Может быть, поэтому нам удалось так много сделать. Черной тенью над нашей деятельностью лежал необъяснимый конфликт двух председателей – Госкино в лице

Ф. Т. Ермаша и Гостелерадио в лице пришедшего на смену либеральному Н. Н. Месяцеву угрюмого товарища А. П. Лапина.

Некоторые известные кинематографисты по разным причинам считали зазорным снимать для телека. Кинематографические газеты и журналы не замечали появления телефильмов. Кинокритики обзывали телевидение «слевидением» или «игрушкой мещан», телевизионщики в запале парировали: «Кино есть частный случай телевидения!»

Тем не менее, уже появились «Вызываем огонь на себя» и «Операция “Трест”» Сергея Колосова, «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов» Валерия Ускова и Владимира Краснопольского. Наконец, «Семнадцать мгновений весны» Татьяны Лиозновой, «Место встречи изменить нельзя» Станислава Говорухина...

«Ленфильм», специализирующийся на «мелкотемье», тоже старался не отставать.

Мы разнообразили тематику и жанры: мюзиклы «Остров погибших кораблей» Евгения Гинзбурга и «Труффальдино из Бергамо» Владимира Воробьева, современная драматургия – «Фантазии Фарятьева» Ильи Авербаха и «Старший сын» Виталия Мельникова, политическое «Противостояние» Семена Арановича, классика – «Без семьи» и «Собачье сердце» Владимира Бортко, пять моих фильмов о Холмсе и Ватсоне и «Пиковая дама» ...

Многосерийных фильмов Центрального телевидения почему-то нам не заказывало. За исключением, может быть, двух сериалов Виктора Титова «Клим Самгин» и «Открытая книга».

Все это снималось тщательно, на 35-миллиметровую пленку, монтировалось долго, по законам кинематографического монтажа.

Михаил Иосифович Генденштейн – директор, Алла Борисова – главный редактор, редакторы Никита Чирсков, Михаил Кураев – ныне знаменитый писатель, Юрий Волин, Константин Палечек. Таково было славное телеобъединение на «Ленфильме».

Мы старались... И были замечены... Однажды меня послали на фестиваль телесериалов в маленький курортный тосканский городок Кьянчано-Терме, где один дотошный



Съемка одного из фильмов о Холмсе по заказу Центрального телевидения в Ленинграде возле Мухинского училища. 1979 г.



Угадали – это замечательный Виталий Соломин в роли доктора Ватсона

итальянский критик вдруг обнаружил, что наши фильмы о Холмсе не сериалы, а «выпуски», то есть нечто небывалое по тем временам. Нас не приняли во внимание...

Правда, потом я торговал на миланском телерынке «Мифед» нашими фильмами о великом сыщике...

А однажды руководство Центрального телевидения совершило попытку связать меня с сэром Питером Устиновым (естественно, после успеха «Холмса»), чтобы осуществить телеэкранизацию его романа «Крамнэгел», изданного у нас еще в 1986 году. Мы даже общались с ним – он на ломаном русском, я на ломаном английском. Ничем это не закончилось. Началась «перестройка». А сэр Питер умер в Швейцарии...

На волне перестройки расцвело мое родное ленинградское телевидение. Теперь оно называлось «Петербург – 5 канал».

Возглавила его талантливая журналистка, «Валькирия перестройки», пламенная соратница Анатолия Собчака и Бориса Ельцина энергичная Белла Куркова. Ее «Пятое колесо» катилось по городам и весям новой России, потому что канал имел трансляционную сеть, подобную московским каналам, до самого Владивостока. «600 секунд» Александра Невзорова и Светланы Сорокиной отсчитывали ежедневно время новой власти.

В сетке передач «Пятого канала» значился и мой «Консерватор» – получасовые беседы с приятными людьми. Предложила мне вести такую передачу все та же Белла Куркова – моя бывшая студентка и дипломница с тех времен, когда я на заре своей телевизионной карьеры согласился читать на факультете журналистики предмет под названием «Редактура на телевидении». Я был молод, нуждался в деньгах, студенты мне не нравились (у девиц пахли подмышки, у парней – ноги), и я в Университете не задержался, выпустив, правда, в качестве руководителя дипломных работ парочку будущих знаменитостей – Бориса Спасского и его сокурсницу Беллу.

Практически их дипломные сочинения были первыми попытками описать это новое явление в нравственной, эстетической и социальной сферах нашей жизни – ТВ.



Фотопробы В.Ливанова и А. Кайдановского на роль «великого сыщика». 1978 г.

Вдохновляла нас статья в журнале «Новый мир» молодого московского театрального критика Владимира Сапнака, первого телеидеалиста и провидца.

Черноглазый караим, смешливый и добрый, прикованный к постели тяжелым недугом, он пристально глядел на экран своего телевизора и увидел в этом новом общественном явлении всю его будущую силу. Это ему принадлежат понятия «эффект присутствия» и «сила личности», «живой эфир» и «окно в мир». Лишь после его безвременной смерти его жена, замечательный критик Вера Шитова и ее коллега Инна Соловьева выпустили в свет в 1961 году книгу «Телевидение и мы. Четыре беседы». Эта тоненькая книжка была нашим «новым заветом». Она содержала в себе конспект всех будущих исследований ТВ...

Написав дипломную работу про ТВ, Белла Куркова, тем не менее, еще долго работала в детской газете «Ленинские искры», пока не оказалась на Ленинградском телевидении, где сделала стремительную карьеру от простого корреспондента до руководителя канала.

Вот эта самая Белла Куркова – моя бывшая студентка и пригласила меня вести получасовую передачу-беседу «Консерватор».

Я уже имел опыт телеведущего. Пару лет на Общественном российском телевидении под редакцией Галины Скоробогатовой я вел, после ухода Эльдара Рязанова и до прихода Георгия Капралова, «Кинопанораму».

Бурные события августа 1991 года – ГКЧП – застали меня в Мельбурне на кинофестивале, где я показывал «Зимнюю вишню». Там, в Канаде, пришлось купить маленький приемник «Сони» – слушать новости из России. Но ничего не было слышно. И возвращались мы домой настороженные.

Потом горел «Белый дом», был распущен Ленинградский обком партии во главе с его секретарем Борисом Гидасповым, которого мы жестоко называли «Гестаповым»...

– Верните людям рассудок! – сказала Куркова.

– Нам нужен здравый смысл... – добавил заместитель Беллы и верный ее соратник по телевидению Виктор Правдюк.

«Консерватор» был удачным проектом. Я сам выбирал «жертву» и тему для беседы. Все, с кем я говорил, были милы моему сердцу. Были ученые люди – академик Д. С. Лихачев, востоковед и археолог Петр Грязневич, скандинавист и знаток кухни Вильям Похлебкин, социолог Борис Фирсов – бывший директор Ленинградского телевидения. Были писатели Валерий Попов, Григорий Горин, Виктор Ерофеев, поэт Владимир Британишский. Были режиссеры Алексей Герман и Владимир Хотиненко, актеры Алла Демидова, Елена Сафонова, Олег Янковский... Всех не перечислить.

Интерес Центрального телевидения к заказам на производство телефильмов на киностудиях угасал. «Экран» сам решил снимать, не расплескивая деньги по сторонам.

Киностудии тоже начали рассыпаться – делясь на мелкие хуторские хозяйства – воцарились хозрасчет и самоокупаемость.

Среди прочих студий в рамках «Ленфильма» была создана нами и студия «Троицкий мост», хозрасчетная и самоокупаемая. За первую пару лет, начиная с 1988 года, мы выпустили 15 полнометражных фильмов, среди которых были работы А. Рогожкина, Э. Ясана, С. Проскуртиной, О. Тепцова, К. Лопушанского, даже три фильма А. Сокурова! Но слава к нам пришла на Каннском фестивале 1991 года, где были показаны две наши дебютные картины – начинающего режиссера и недавнего сценариста Павля Лунгина «Таксибюз» (приз «За лучшую режиссуру») и бывшего документалиста Виталия Каневского «Замри-умри-воскресни» («Золотая камера»).

Студия «Троицкий мост» была замечена.

Моя роковая зависимость от телевидения дала о себе знать. На этот раз в лице генерального директора французского телеканала «Ля Сэт» месье Жерома Клемана и владельца студии «Содаперога» месье Ги Селишгманна.

Нам был предложен лакомый кусок!

Экранизацию семи русских повестей сделал парижский славист и журналист Жак Байнак. Семь страниц истории России – от бардака революции до бардака перестройки. Семь российских режиссеров должны были снять каждый по часовому фильму на русском языке с русскими актерами за французские деньги. Подарок судьбы!

Сложности начались, когда французские сценарии по русской прозе, сделанные Жаком Байнаком, были переведены обратно на русский. Тексты было невозможно узнать...

Пришлось мне снова взяться за рассказ Леонида Андреева «Тьма», Павлу Чухраю за роман Марка Алданова «Ключ», Виктору Титову за рассказ Вс. Иванова «Дитя», Александре Рогожкину за повесть Владимира Зазубрина «Щепка» (фильм «Чекист»), Вячеславу Сорокину за роман Сергея Залыгина «На Иртыше», Александру Муратову за повесть Лидии Чуковской «Спуск под воду» (фильм «Рукопись»).

И только наша дебютантка Роза Орынбасарова не стала ничего экра-

низировать, а сняла телефильм по оригинальному сценарию «Зал ожидания» про путаницу перестройки.

К тому времени, когда мы закончили работу над «Русскими повестями», канал «Ля Сэт» исчез, растворившись во франко-германском культурном телеканале «Арте». На нем и были показаны с большим успехом и хорошей прессой все семь наших работ...

Казалось бы, с телевидением, на этот раз с французским, все было закончено. Но нет...

...Когда меня спрашивают, зачем я превратил свою успешную «Зимнюю вишню» в телесериал, я киваю в сторону Курковой:

– Это все Белла придумала...

Это она неожиданно-негадано позвала меня художественным руководителем своего петербургского телеканала. Мало ей было того, что уже второй год я вел передачу «Консерватор». Это она сказала:

– Нечего вам сидеть на наших скучных совещаниях.. Лучше бы поставили у нас что-нибудь...

Так стал осуществляться за деньги компании «Петербург-5 канал» сериал «Зимняя вишня» – многосерийный телероман, давно задуманный моим другом, сценаристом Владимиром Валуцким.

А уже заканчивался 1991 год – грозные времена дикого капитализма, передела собственности, рейдерства, кровавых интриг.

По коридорам телестудии на улице Чапыгина прогуливались, заинтересованно озираясь, заезжие гости из Москвы – Лисовский, Дибров, Григорьев...

Меня как художника 5-го канала стали приглашать на странные тусовки, знакомить с главным лицом этих тусовок Костей Могилой... Было тревожно...

Распространялись слухи о том, что Куркова нечиста на руку...Кем-то подогреваемые профсоюзные активисты на собраниях выражали ей недоверие... Когда она шла в гости к другому «пассионарию перестойки», такому же, как и она, депутату Верховного совета Олегу Басилашвили, в парадной его дома Курковой проломил голову... Чуть позже был беспощадно избит ее зам по информационному вещанию Слава Нечаев...

Она ушла... Ни Собчак, ни Ельцин, которым она верно служила, не заметили ее ухода...

Осенью 1990 года приказом председателя Гостелерадио СССР товарища Ненашева был создан первый коммерческий канал «2x2»... Появилась реклама... Запахло деньгами...Криминал положил глаз на телевидение. Кто противился, того уничтожали. Так погиб Влад Листьев... Появилось загадочное слово «рейтинг», что по-английски означает всего лишь «рядовой»... Возникли списки «медийных» и «не медийных» артистов... Новые невежественные пастухи стали отделять овец от козлиц...

Мы тем временем закончили телесериал «Зимняя вишня»...

На «Пятый» вдруг как снег на голову пришло новое начальство... Я еще оставался художником, но ни разу... ни разу в глаза не видел этих новых хозяев. Стройные ряды гламурных секретарш преграждали дорогу в таинственно закрытые кабинеты.

Через юристов в адрес студии «Троицкий мост», которая снимала этот сериал по заказу Пятого канала, пришло сообщение, что мы должны вернуть потраченные деньги... Нет, вы не ослышались! Не отдать заказчику фильм, а вернуть деньги...

Шло время, были арбитражные суды, абсурдность претензий была очевидна...

Выручил Константин Львович Эрнст – он выкупил сериал, показал его по Общественному российскому телевидению, и вскоре мы получили приз «Серебряная олива» на телефестивале в городе Баре, что в Черногории.

А кассеты двенадцатисерийного варианта «Зимней вишни», когда-то заказанного Пятым каналом, до сих пор лежат в сейфе студии «Троицкий мост».

«Петербург-5 канал» пришел в упадок.

И вот мы, несколько заговорщиков из числа ветеранов старого Ленинградского телевидения, ищем выход из положения.

– Надо менять ориентацию канала... – говорит режиссер Лев Цуцульковский.

– Давайте обратимся к Дмитрию Сергеевичу, он друг нашей семьи, – говорит редактор Елене Шмакова, внучка знаменитого телевизионного академика Петра Шмакова...

...Ночь.

Я сижу за письменным столом над листком бумаги. Пишу:

«Уважаемый

Борис Николаевич!

Ваши слова о том, что наш город является “культурной столицей России” могут стать решающими в определении судьбы находящегося в трудном положении “Пятого канала”... Известен опыт франко-германского культурного телевизионного канала “Арте”. Он лишен рекламы, но с помощью правительств этих двух стран известен своей пропагандой культуры во всей Европе... Нечто подобное можно сделать с нашим петербургским телевидением...»

Утром Елена Шмакова съездила домой к академику Д. С. Лихачеву, и он, как авторитетный для президента человек, подписал письмо.

Днем позже я стоял в приемной президента на Старой площади в Москве и вручил письмо академика Д. С. Лихачева советнику по культуре президента господину Красавченко.

Прошел месяц...

По телевидению мы узнаем, что в Петербурге в помещении Русского музея состоится заседание Совета по культуре при Президенте России.

Действительно, чуть позже мы увидели в новостях это заседание.

Борис Николаевич Ельцин вынимает из нагрудного кармана листок с речью и буквально читает сочиненный мною текст про необходимость создания в России канала «Культура», подобного франко-германскому «Арте».

Так 1 ноября 1997 года в Москве родился этот всероссийский канал!

У петербургского телевидения отобрали все ретрансляционные сети, расположенные по всей территории России. «Пятый» стал областным...

А в моей телевизионной биографии начался новый роман – с Общественным российским телевидением, принадлежавшим в то время Борису Березовскому. Походкой хозяина по коридорам Останкино вышагивал в сопровождении многочисленной охраны тщедушный Бадри Патаркацишвили, бесцеремонно распахивал дверь кабинета Константина Эрнста. Нам, сидящим в ожидании приема, слышно было, как он там командовал...

Мы со сценаристом-комедиографом Владимиром Вардунасом пред-

ложили на ОРТ проект экранизации смешных рассказов раннего Чехова в длинной цепочке телефыпусков под названием «Театр ЧехонТВ». Проект был воспринят с энтузиазмом.

В «Троицком мосте» был снят первый «пилотный» выпуск, в который вошли рассказы «Сирена», «Ушла», «Живая хронология» и «Психопаты». Снялись прекрасные актеры – Олег Басилашвили, Евгений Лебедев, Михаил Светин, Анна Самохина, Лариса Гузеева... Были готовы сценарии еще нескольких рассказов Антоши Чехонте, но на «пилоте» дело и закончилось. Ведущий программы «Час пик» Андрей Разбаш был еще и сметливым бизнесменом. В беседе со мной в эфире он проявил живой интерес к идее показывать на ОРТ чеховские юморески. Проявил... и наш «Театр ЧехонТВ» закрылся.

– Любите ли вы иронические детективы? – раздался в трубке приятный женский голос.

– Я не знаю, что такое «иронический детектив»...

– А ваш Холмс?.. Хотите почитать польский иронический детектив?

Вскоре редактор студии «Пеликан» Ирина Яшина прислала мне книжку неведомой мне польской писательницы Хмелевской «Что сказал покойник».

Название настораживало... Потом я обнаружил, что романами Иоанны Хмелевской завалены все книжные прилавки, на которых царствует «женское чтиво».

Стал читать и получил удовольствие от общения с живой, взбалмошной героиней этой истории. Свистнул комедиографу Володю Вардунаса, с которым сработался на чеховских рассказах. Работа закипела, потом закипели съемки в Москве, Греции, Польше, Дании, Франции... Щедрыми продюсерами у нас были С. Жигунов и В. Архипов. Для какого канала они трудились, чьи деньги тратили, кому потом продавали, где показывали – мне неведомо. Но десять серий «Что сказал покойник» стоят у меня на полке среди пиратских дисков, купленных случайно на Ленинградском вокзале.

Таким образом, телевизионное поле все расширялось и расширялось. Моя фигурка на этом пространстве все мельчала и мельчала...

В последний раз обо мне вспомнил все тот же Константин Львович Эрнст. Пытливый ум главного продюсера Первого канала все время искал выход для продажи на экспорт старых наших телефильмов. Их не покупало западное телевидение из-за хронометража. Железный международный закон: серия – 52 минуты. Наши же серии все вылезали за часовой рубеж. Эрнст хотел их «переформатировать».

В. Усков и В. Краснопольский легко справились с заданием. Вытянули сериалы «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень» в одну сюжетную линейку, а потом «расфасовали» эти «колбасы», порезали их на серии по 52 минуты.

То же самое Константин Эрнст хотел сделать и с нашими фильмами про Холмса, в которых каждая серия вылезала за часовой рубеж. Однако в этих отдельных фильмах нет единого сюжета, есть рассказы, связанные между собой только четырьмя постоянными героями.

Надо было придумать единый сюжет, превратить пять отдельных фильмов в один сериал.

Мой старый товарищ и соратник Владимир Валущкий нашел нужный сюжет, в центре которого стоит сам создатель Холмса сэр Артур Конан Дойл. Так появились на свет тринадцать серий «Воспоминаний о Шерлоке Холмсе», главными героями которых стали сам писатель в исполнении Алексея Петренко, его секретарь Вуд – Сергей Бехтерев и экономка писателя – Марина Левтова (это была ее последняя роль в кино). Сами же приключения Холмса и Ватсона были представлены в виде рассказов в сборнике, над которым работал Конан Дойл. Это были цитаты из наших старых фильмов.

Сказать, что это была большая удача, язык не поворачивается. Очень хороши были работы перечисленных актеров, прекрасные съемки оператора Владимира Ильина, но единого сериала все-таки не получилось...

На этой грустной ноте я должен сообщить, что моя телевизионная карьера тогда же прекратилась. Десять лет я являюсь только телезрителем, снимаю кинофильмы для отсутствующего проката, пишу книги, преподаю, являюсь членом Евразийской академии телевидения и радио и подписчиком журнала

«Телефорум». Иной раз приглашаюсь на разные ток-шоу демонстрировать свою седину...

Телеаудитория тоже изменилась. Кто побогаче, а теперь появились такие, обзавелись «тарелками», стали смотреть «заграницу». Если в прошлом определить развитие телевидения в нашей стране можно было по крестам антенн на крышах домов, то теперь грабители легко узнают зажиточные квартиры по вывешенным на балконах «тарелкам»...

Недавно старая знакомая ленинградка Светлана Сорокина пригласила меня на свою передачу по возрожденному «Пятому каналу» поговорить о 30-летию все того же Холмса. Только беседа почему-то велась в Москве, возле Донского монастыря, в странном павильоне какого-то бывшего завода, а не на улице Чапыгина в петербургском телецентре, в строительстве которого я принимал участие.

Среди прочих архивных папок, что стоят у меня на полке, есть две, которые я открываю чаще других. Содержание папки «кинопроекты» я описал в своей книге «Бейкер-стрит на Петроградской». А вот вторую – «телепроекты» я открываю сейчас. И так, краткая экскурсия по кладбищу телевизионных идей.

Про «Крамнэгел» Питера Устинова и про серию чеховских юморесок «Театр ЧехонТВ» я уже говорил. Жалею, что не удалось реализовать замысел Григория Горина «Ковент Гарден» – российский вариант «Пигмалиона». Не состоялся еще один «английский» сериал «Черный юмор Альбиона» по новеллам Рольфа Даля. Дело уперлось в авторские права. Интересный проект был у нас с Владимиром Валуцким – «Полет Валькирии» – экранизация романов Анастасии Вербицкой «Ключи счастья» и Лидии Чарской «Княжна Джаваха».

Это была замечательная идея известной специалистки по кино и телевидению Майи Туровской. Ни один канал «не клонул»...

Полгода я сидел над сценарием четырехсерийного «Обрыва» по мотивам замечательного романа И. А. Гончарова. Потом выбирал натуру, потом морочил голову актерам на «кастингах», что по-английски означает «наем пиратов на корабль».

Все впустую. Деньги, видите ли, у продюсера исчезли...

И так далее, и тому подобное...

Путаясь в пухлых недельных программах телепередач, нажимая на кнопки пульта, я созерцаю это безбрежное волнуемое море телевидения и думаю, как был прав Иван Федорович Ермаков – телевидения сожрало все!

На горизонте, правда, маячит грозный соперник – Интернет. Стало конкурентом и радио – автомобильные пробки вернули ему вынужденных слушателей.

Телевидение рассыпалось на тысячи каналов, рассредоточилось, но все еще не потеряло могучую силу.

Что же это за колдовская сила такая?

* * *

Мы, нынешние, кичимся тем, как далеко мы ушли от наших предков со стиральными машинами, автомобилями, самолетами, с тем же телевидением, наконец. А наши страсти, чувства, боязнь смерти, волнения толпы, жадность, алчность, ненависть, зависть, любовь, разврат, трусость и геройство? Разве они изменились?

Разве созерцание боя гладиаторов так уж сильно отличается от азарта толпы во время корриды, бокса, боя без правил, тхэквэндо, тайских схваток, кикбоксинга, грызни бойцовых собак и петушиных боев?

Четыре мировые религии с переменным успехом пытаются облагородить человека, освободить его от звериных инстинктов, прелюбодейаний и дьявольских соблазнов. Пытки, извращения, садо-мазохизм, уничтожение себе подобного – из всего живого на земле эти инстинкты свойственны только человеку.

В жизни античных людей главная городская площадь или амфитеатр были и государством, и судом, и искусством, и наукой, и источником информации, и самим народом, отправлявшим себе подобных на смерть или на подвиг.

В наши дни эти «демократические» функции взяло на себя интерактивное телевидение!

...Первый секретарь Ленинградского горкома партии Юрий Филиппович Соловьев сидел в своем смольнинском кабинете мрачнее тучи. Я вошел к нему с какими-то ленфильмовскими делами. Было известно, что Соловьев благоволил

к культуре, к кинематографу в особенности.

– Добрый день! – сказал я.

– Добрый?! – взревел Юрий Филиппович и швырнул мне на столик, за который я сел, толстую пачку печатных листов.

Это был «Белый ТАСС» – ежедневная секретная информация агентств о фактах, случившихся в городе за истекшие сутки. «Белый ТАСС» получало только высшее руководство города. Аварии, ДТП, грабежи, изнасилования, стрельба, пожары и обрушения, угоны машин, газовые и водопроводные ЧП, погодные аномалии... Короче, жизнь многомиллионного города. Все подробности этой жизни должно было знать только начальство...

Теперь, благодаря телевидению, об этом знают все!

Телевизионные каналы канализировали всю планету. Мгновенная передача информации и изображения лишь усугубляет ситуацию...

Акула напала на яхту возле берегов Чили – то есть случилось это на обратной (для нас) стороне Земли. Об этом узнают миллиарды людей. Каждые четверть часа нам сообщают, сколько баррелей нефти вылилось за эти 15 минут в Мексиканском заливе. Любой тележный скрип привлекает к себе толпы молодых репортеров с камерами на плечах.

Нужно ли это всем знать?

Какая-то всемирная «античная площадь» И, конечно, мифотворчество!

Еще совсем недавно телевидение, выполняя, главным образом, информационные, общественно-политические функции и прочий «официоз», свои художественные программы формировало из трансляций театральных спектаклей, концертов, покупки и показа художественных фильмов, созданных на киностудиях страны. Нос некоторых пор Голиаф решил сам заниматься художественным творчеством. Это, как ему кажется, и экономически выгодно и престижно...

Опыт «высоких» искусств был ему не указ.

Указом стал «рейтинг», голос толпы, мораль финансовой выгоды, вкусы рекламодателей. Происхождение рекламных баронов известно. То, что их дети учатся в оксфордах, а сами они ездят на

«бентли» с охраной на «кайеннах», вкусам свой молодости они верны – стрелки и разборки, милицейские участки и дознания, суды, хитроумные аферы, насилие, гламур, клоунада, зона, сплетни и никелированное оружие. Таково нынешнее содержание лучших часов телевизионного вечера – «прайм-тайм» на большинстве наших каналов, каждый из которых считает своим долгом иметь собственные «криминальные» программы типа «ЧП» или «Дежурной части».

И лишь после полуночи, когда рекламные бароны со своими дамами разъезжаются по клубам и ресторанам, телевизионное начальство – вполне интеллигентные люди – осмеливается поставить в программу классический фильм или симфонический концерт... Где-нибудь в районе двух часов пополудни...

Наша телевизионная аудитория удивительно напоминает обстановку античного театра. Еще четыре тысячи лет назад зрители возлежали на мраморных скамьях, пили и закусывали, наблюдая за жизнью «масок». Длилось это целыми днями.

Наш зритель лежит не на камнях, а на мягком диване – технический прогресс налицо... Да еще и бесплатно!

Пассивный вид досуга, сибаритство, верхоглядство, перескакивание с канала на канал, «развлекуха», отсутствие желания переживать за героев, и телевизионная муза, теряя год от года чувство стыда и этической совести, отдалась обслуживанию, сервильности, «работе на спрос».

– Чего изволите?

– Хлеба и зрелищ!

Законы античной драматургии современное телевидение переиначило на свой лад. Греческая трагедия (любимый жанр древних) обернулась на наших экранах криминалом и «экшеном», античная комедия выродилась в «Кривое зеркало», маски древнего театра стали гулять по телепрограммам в виде ментов...

Нынешние сериалы странным образом повторяют рецепты наивной, отнюдь не психологической древней драматургии: случай, встреча, суд, дорога, подсматривание и подслушивание, находки и выкрадывание дневников, расписок, рукописей, документов...

В древних спектаклях жили яркие личности, характеры титанов и героев. У нас же актеры играют не «характеры», а лишь артикулируют сюжеты, извлеченные из папок угрозыска.

Мощная частная компания – дочернее предприятие АФТ «Система» – корпорация RWS («Российские всемирные студии») уже несколько лет занимается производством многосерийной продукции для ТВ. Иные проекты достигают четырехсот серийных единиц.

Один из моих учеников, окончивший ВГИК, был приглашен туда в качестве режиссера-постановщика. Но у него оказалось еще два «сменщика». Он должен был работать через два дня на третий.

– Хороший сценарий? – спрашиваю я моего ученика, который пять лет учился кинорежиссуре.

– Эпизод «на сегодня» редакторша приносит в начале смены... – отвечает мне мой ученик, с отличием защитивший свой дипломный фильм.

– А актеры хорошие?

– Актеров приводят из «кастинг-дирекции», – отвечает мне мой бывший ученик, сам неплохо игравший в наших учебных постановках.

– Кто оператор?

– Их трое...

... Вот так стряпается телевизионный «фастфуд», так плодятся китч, организованный малообразованными дельцами.

А когда я в беседе с одной актрисой спросил ее, как ей работалось на сериале и как звали режиссера, она ответила:

– Их было трое

– А кто главный?

– Мы узнавали его по цветным кедам...

Может быть, это тоже был мой бывший ученик?

Канадский философ и социолог Герберт Маркузе еще в 60-х годах прошлого века предупреждал:

– Дети должны слушать сказки и читать книжки, представлять себе описываемый мир, мыслить. Тогда у них в мозгу будет развиваться «зона воображения». Увиденное глазами телевизионное изображение будит эмоции, а не мысли... Человек без воображения глух к чужой боли!

Горы трупов, смерти, катастрофы, экологические бедствия и массовый голод, о которых сообщает

всемирное телевидение, оставляют современного человека спокойным.

Прогноз Герберта Маркузе сбывается...

Это электронное изобретение стремительно перемоделирует мир. Избирательные кампании, партийные движения, работа парламентов, мода, популярность невозможны без вмешательства телевидения. И наконец, всемирный террор! Разве стали бы атаковать террористы Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, если бы не было телевидения как средства распространения устрашения? Все жители Земли знают Бен Ладана в лицо... По той же причине.

Когда-то, еще до войны, замечательный актер и режиссер Орсон Уэллс, работая на радио, перепугал всю Америку постановкой, имитирующей радиопередачу о начале войны. Был эффект разорвавшейся бомбы!

Сейчас телевидение пугает нас ежедневно, режиссирует, имитирует ужасы, коварные розыгрыши, интриги и катастрофы... Но все как оглохли...

Может быть, это и хорошо?

Прочитав написанное и оглядевшись по сторонам, я прихожу к выводу, что мы живем в период упадка.

Нет, конечно, не все так плохо! Работает канал «Культура». Правда, вещает не из Петербурга – «культурной столицы России», говоря словами Б. Н. Ельцина, а из Москвы... Но хоть рекламы нет! Детский «Бибигон», опять же... Правда – с рекламой. На зарубежных каналах с помощью тарелки можно глядеть передачи о флоре и фауне...

Уж коли я вспоминал античность, то ведь и Рим был в упадке. Но пришло возрождение!

Так что не все потеряно... И за первым столетием телевидения следует второе.

* * *

Судьбе было угодно связать большую часть моей жизни с телевидением. Поэтому 9 мая 2011 года я надеюсь отметить столетие телевидения вместе с моей давней приятельницей Майкой Фоминой, внучкой профессора Бориса Львовича Розинга.

Надеюсь, что и Петербургский технологический институт вспомнит эту дату и пригласит старого телевизионщика на торжество...